

§ II. Антиномия налога

Иногда я слышу, как сторонники *статус-кво* утверждают, что в настоящее время мы наслаждаемся достаточной свободой и что, несмотря на выступления против порядка вещей, мы находимся ниже наших институтов. Я, по крайней мере, с точки зрения налогообложения, вполне согласен с этими оптимистами.

Согласно только что рассмотренной нами теории, налог — это реакция общества на монополию. Мнения на этот счет единодушны: народ и законодатель, экономисты, журналисты и писатели, переводя каждый на свой язык общественную мысль, заявляют с завистью, что налог должен падать на богатых, бить по излишеству и предметам роскоши и оставлять в покое предметы первой необходимости. Если коротко, то мы сделали налог своего рода привилегией для привилегированных: плохая мысль, так как это было признанием легитимности привилегии, которая ни в каком случае, в какой бы форме она ни проявлялась, ничего не стоит. Народ должен был быть наказан за эту эгоистическую непоследовательность: Провидение не миновало исполнения своей миссии.

С момента, как налог был задуман как требование, он должен был устанавливаться пропорционально способностям, либо поражая капитал, либо более конкретно влияя на доход. В то же время я хотел бы отметить, что распределение налога является именно таким, которое было бы принято в стране, где все состояния были бы равны, за исключением разницы в размере и сборе, сбор налогов — то, что в нашем обществе наиболее либерально, и в этом отношении наши обычаи (нравы) фактически отстают от наших институтов. Но так как с нечестивцами даже лучшие вещи не могут не быть отвратительными, мы увидим, как эгалитарный налог сокрушает людей именно потому, что люди находятся в положении ниже.

Я предполагаю, что валовый доход во Франции на каждую семью, состоящую из четырех человек, составляет 1,000 франков: это немного больше, чем цифра г-на Шевалье, нашедшего всего 63 сантима в день на человека, или 919 франков 80 сантимов на домашнее хозяйство. Поскольку в настоящее время налог составляет более миллиарда, или примерно восьмую часть общего дохода, каждая семья, зарабатывая 1,000 франков в год, облагается налогом в размере 125 франков.

Из этого следует, что доход в 2,000 франков требует налога в 250 франков; доход в 3,000 франков — 375; доход в 4,000 франков — 500 франков и т. д. Пропорция строгая и математически безупречная: сборщики налогов уверены, что арифметически ничего не теряют.

Но со стороны налогоплательщиков все выглядит совершенно по-другому. Налог, который, по мысли законодателя, должен соотноситься с состоянием, напротив, прогрессивен в смысле нищеты — так что, чем беднее гражданин, тем больше он платит. Это то, что я

постараюсь дать почувствовать с помощью нескольких цифр.

Согласно пропорциональному налогу, налоговому органу причитается (во французских франках):

Для дохода/Размер налога

1,000/125

2,000/250

3,000/375

4,000/500

5,000/625

6,000/750

и т. д.

Таким образом, согласно этим подсчетам, налог увеличивается пропорционально доходу.

Но если учесть, что каждая сумма дохода состоит из 365 единиц, каждая из которых представляет собой ежедневный доход налогоплательщика, то обнаружится, что налог более не пропорционален; обнаружится, что он равен. Действительно, если за доход в 1,000 франков государство взимает 125 франков налогов, это похоже на то, что оно отнимает у семьи 45 дней пропитания; таким же образом взносы в размере 250, 375, 500, 625, 750 франков, соответствующие доходам в 2,000, 3,000, 4,000, 5,000, 6,000 франков, по-прежнему составляют для каждого из бенефициаров только 45-дневное сальдо.

Теперь я говорю, что это равенство налогов — чудовищное неравенство, и что это странная иллюзия воображения, поскольку ежедневный доход более значителен, чем плата, основой которого он является. Перенесем нашу точку зрения от личного дохода к коллективному доходу.

Под влиянием монополии общественное благосостояние, в котором отказано рабочему классу для того, чтобы не отказать в нем классу капиталистов, целью налога было умерить смещение и реагировать на узурпацию, осуществляя пропорциональное изъятие у каждого привилегированного. Но пропорциональное чему? тому, что привилегированный воспринимал как слишком большое (изъятие), без сомнения, а не той доле социального капитала, которую представляет его доход. Значит, цель налогообложения упущена, и закон оказывается перевернутым в сторону обмана, поскольку налоговый орган, вместо того чтобы взять свою восьмую там, где эта восьмая существует, требует ее именно у тех, кому он должен ее вернуть. Последняя операция сделает это ощутимым.

Предполагая, что доход во Франции составляет 68 сантимов в день на человека, отец семейства, который либо в качестве зарплаты, либо в качестве дохода от своего капитала зарабатывает 1,000 франков в год, получает четыре доли национального дохода; тот, кто получает 2,000 франков, имеет восемь долей; тот, кто получает 4,000 франков, имеет шестнадцать, и т. д. Отсюда следует, что рабочий, который с дохода 1,000 франков платит 125 франков налогов, отдает общественному порядку половину доли, что составляет одну восьмую от его дохода и средств к существованию его семьи; в то время как рантье, который с дохода 6,000 франков платит только 750 франков (налога), получает прибыль в размере 17 долей от коллективного дохода или, другими словами, зарабатывает с налогом 425 процентов.

Воспроизведем ту же истину в другой форме.

Во Франции насчитывается около 200,000 избирателей. Я не знаю, какова сумма взносов, уплачиваемых этими 200,000 избирателями, но я не думаю, что сильно отклонюсь от истины, предположив среднее значение для каждого в 300 франков, а всего для 200,000 плательщиков — 60 миллионов, к которым мы добавим дополнительно еще четверть их доли косвенных взносов, то есть 75 миллионов, или 75 франков на душу (предполагая, что семья каждого избирателя состоит из пяти человек), которые выплачивает государству класс избирателей. Бюджет (Франции), согласно *Экономическому ежегоднику* за 1845 г., составляет 1,106 миллиона, остается 1 миллиард 31 миллион [200], что дает 31 франк и 30 сантимов на каждого гражданина, не являющегося избирателем, — две пятых взноса, выплачиваемого богатым классом. Значит, для того, чтобы эта доля была справедливой, необходимо, чтобы среднее благосостояние класса, не являющегося избирателем, составляло две пятых от среднего благосостояния класса избирателей: и это то, что не является правдой, потому что должно быть более трех четвертей.

Но эта диспропорция покажется еще более шокирующей, если вдуматься, что только что сделанный нами расчет по классу избирателей совершенно ошибочен, в пользу плательщиков.

На самом деле единственными налогами, которые подсчитываются для осуществления избирательного права, являются:

1. земельный взнос;
2. индивидуальный и движимый;
3. двери и окна;
4. патент.

Значит, за исключением индивидуального и движимого (налога), который мало изменяется, остальные три налога переведены на потребителей; то же самое относится и ко всем косвенным налогам, которые владельцы капитала возмещают за счет потребителей, за исключением, однако, трансфертных налогов, которые непосредственно влияют на владельца и поднимаются в общей сложности до 150 миллионов. Значит, если мы оценим, что избирательная собственность составляет одну шестую этой последней суммы, что будет преувеличением, доля прямых взносов (409 миллионов) составляет на одну душу 12

франков, сумма косвенных взносов (547 миллионов) — 16 франков, средний налог, уплачиваемый каждым избирателем с семьей, состоящей из пяти человек, составит в общей сложности 265 франков, в то время как доля рабочего, который имеет только свою сажень, чтобы прокормить себя, свою жену и двух детей, составит 112 франков. — В более общем выражении средний взнос на душу в высшем классе составит 53 франка; в нижестоящем классе — 28. На что я вновь задаю свой вопрос: Является ли благосостояние граждан, находящихся по эту сторону избирательного ценза, половиной от благосостояния тех, кто находится по его другую сторону?

С налогами происходит то же самое, что с периодическими изданиями, которые в действительности стоят тем дороже, чем реже они выходят. Ежедневная газета стоит 40 франков, еженедельная — 10 франков, ежемесячная — 4 франка. Все кажется равным, кроме того, что подписные цены на эти газеты распределяются между ними как числа 40, 70 и 120, а дороговизна увеличивается от редкости публикаций. Так вот, именно таков налоговый ход: это абонемент, оплачиваемый каждым гражданином в обмен на право работать и жить. Тот, кто пользуется этим правом в наименьшей пропорции, платит больше; тот, кто пользуется немного больше, платит меньше; тот, кто пользуется много, платит мало.

Экономисты в целом со всем этим согласны.

Они атаковали пропорциональный налог не только в его принципе, но и в его применении; они выявили в нем аномалии, которые, почти все, исходят из того, что отношение капитала к доходу, или возделываемой площади, находящейся в ренте, никогда не фиксируется.

«То есть взнос в размере одной десятой от дохода с земель, и земель разного качества, производящих, первый 8 франков [201] пшеницы, второй — 6, третий — 5: налог будет требовать одну восьмую с дохода от наиболее плодородной земли, одну шестую — от чуть менее плодородной, и, наконец, одну пятую — от еще менее плодородной. Не будет ли налог установлен в обратном смысле от того, каким он должен быть?— Вместо земель можно предполагать другие орудия производства и сравнивать капиталы одинаковой стоимости или объемы работ одинакового порядка, применяемые к отраслям промышленности с различной производительностью: вывод будет тот же. Несправедливо требовать подушный налог в 10 франков с рабочего, который зарабатывает 1,000 франков, и с художника или врача, которые получают 60,000 ливров ренты» (Д. Гарнье, *Принципы политической экономии*). Эти размышления вполне справедливы, хотя они падают только на восприятие или на тарелку и не доходят до самого принципа налогообложения. Ибо, допуская распределение по доходу, вместо того, чтобы по капиталу, всегда получается так, что налог, который должен быть соразмерен состояниям, нагружается на потребителя.

Экономисты сделали шаг вперед: они высоко оценили несправедливость пропорционального налога.

«Налог, — говорит Сэй, — никогда не может повышаться на необходимость», — этот автор, правда, не определяет, что следует понимать под необходимостью: но мы можем восполнить это упущение. Необходимым является то, что каждый человек получает от общего дохода страны, за вычетом того, что должно быть изъято для налога. Таким

образом, чтобы считать круглыми цифрами, если производство во Франции составляет восемь миллиардов, а налог — один миллиард, необходимость каждого человека в день составляет 56 с половиной сантимов. Все, что превышает этот доход, подлежит налогообложению, по Ж.-Б. Сэю, все, что ниже, должно оставаться священным для налогового инспектора.

Это то, что тот же автор выражает другими словами, когда говорит: «Пропорциональный налог несправедлив». Адам Смит уже сказал до него: «Это небезосновательно, что богатый вносит вклад в государственные расходы не только пропорционально доходу, но и чему-то большему». «Я пойду дальше, — добавляет Сэй, — я не побоюсь сказать, что прогрессивный налог является единственно справедливым». И М.Ж. Гарнье [202], последний аббревиатор (сокращающий)[203] экономистов: «Реформы должны стремиться к достижению прогрессивного равенства, если можно так выразиться, гораздо более точного, гораздо более справедливого, чем так называемое равенство налогов, которое является просто чудовищным неравенством».

Таким образом, по общему мнению и по свидетельству экономистов, доказаны две вещи: одна, что в своем принципе налог реакционен в отношении монополии и направлен против богатого; другая, что на практике этот же налог неверен своей цели; что, ударяя прежде всего по бедняку, он совершает несправедливость, и что законодатель должен постоянно стремиться распределить его более справедливо.

Я был обязан прочно установить этот двойной факт, прежде чем перейти к другим соображениям: теперь начинается моя критика.

Экономисты, с этим добродушием честных людей, которое они унаследовали от своих предшественников, и которое до сих пор создает им славу, старались не замечать, что прогрессивная теория налога, на которую они указывают правительствам как на *nes plus ultra* (крайность) мудрой и либеральной администрации, противоречива в своих терминах и наполнена легионом невозможностей. Они поочередно обвиняли в угнетении налогами варварские времена, невежество князей, кастовые предрассудки, алчность торговцев, все то, что, словом, по их мнению, мешало прогрессированию налога, создавало препятствия искренней практике уравнивания перед бюджетом: они ни минуты не сомневались, что то, что они требовали под названием прогрессивного налога, — переворот всех экономических понятий.

Таким образом, они не видели, например, что налог был прогрессивным тем самым, что он был пропорциональным, но что прогресс оказывался обратным, направленным, как мы уже говорили, не в смысле наибольшего состояния, а в смысле меньшего. Если бы экономисты имели четкое представление об этом перевороте, неизменном во всех странах с налогами, такое необычное явление не преминуло бы привлечь их внимание; они бы искали причины этого, и в конце концов выяснили бы, что то, что они принимали за катастрофу цивилизации, за следствие запутанных трудностей человеческого управления, было продуктом противоречия, присущего всей политической экономии.

Прогрессивный налог, применяемый либо к капиталу, либо к доходу, — это само отрицание монополии, той монополии, которая встречается повсюду, — говорит Росси, — на пути

общественной экономики; которая является истинным стимулом промышленности, надеждой на сбережения, хранителем и отцом всякого богатства; исходя из чего мы могли бы сказать, наконец, что общество не может существовать с ним, но не будет существовать без него. Если налог внезапно становится тем, чем он, несомненно, должен быть, а именно пропорциональным (или прогрессивным, это то же самое) вкладом каждого производителя в общественные платежи, то сразу же рента и прибыль конфискуются на благо государства; труд лишается плодов своих творений; каждый человек сокращается до скудной доли в 56 с половиной сантимов, нищета становится всеобщей; договор, заключенный между трудом и капиталом, расторгается, и общество, лишенное руля, деградирует до уровня своих начал.

Скажут, может быть, что легко предотвратить абсолютное уничтожение прибыли капитала, остановив в любой момент эффект прогрессирования.

Эклектика, золотая середина, соглашение с небесами или моралью: всегда будет одна и та же философия! Настоящей науке претят такие сделки. Любой вложенный капитал должен возвращаться производителю в виде процентов; любой труд должен оставлять излишек, любая зарплата должна быть равной продукту. Под эгидой этих законов общество постоянно достигает с помощью самых разнообразных производств максимально возможного благосостояния. Эти законы абсолютны: нарушать их — значит, убивать, калечить общество. Значит, капитал, который, в конце концов, есть не что иное, как накопленный труд, неприкосновенен. Но с другой стороны, тенденция к равенству не менее убедительна: она проявляется на каждой экономической стадии с возрастающей энергией и непобедимой уверенностью. Вы должны, следовательно, удовлетворять одновременно труду и справедливости: вы должны предоставить первому все более реальные гарантии и обрести второе без уступок или двусмысленности.

Вместо этого вы только и знаете, как постоянно подменять ваши теории благосостоянием князя, останавливать ход экономических законов произволом власти и под предлогом справедливости лгать в равной степени зарплате и монополии! Ваша свобода — это лишь полусвобода, ваша справедливость — это полусправедливость, и вся ваша мудрость состоит в этих усредненных терминах, со всегда двойной порочностью, поскольку они не предоставляют прав требования ни с одной, ни с ни другой стороны! Нет, такой не может быть наука, которую вы нам обещали, и которая, раскрывая нам секреты производства и потребления богатств, должна недвусмысленно разрешать общественные антиномии. Ваша полулиберальная доктрина является кодексом деспотизма и обнаруживает в вас столько же бессилия двигаться, сколько стыда отступать.

Если общество, вовлеченное в свою предшествующую экономическую историю, не может повернуть в обратном направлении; если до появления универсального уравнения монополия должна сохраняться в своем владении, никакие изменения в основании налога невозможны: в этом есть только одно противоречие, которое, как и любое другое, должно быть доведено до исчерпания. Значит, наберитесь мужества ваших мнений: уважение к богатству и отсутствие пощады для бедных, которых осудил Бог монополии. Чем меньшим располагает наемный работник для поддержания жизни, тем больше он должен платить: *qui minus habet, etiam quod habet au feretur ab eo* (у того, у кого меньше других, будет отнято даже то, что имеет). Это необходимо, это фатально: так происходит спасение общества.

Попробуем все-таки обратить вспять прогрессию налога и сделать так, чтобы вместо рабочего больше всего возвращал (платил) капиталист.

Но для начала я замечаю, что при обычном способе изъятия налогов такой переворот неосуществим.

Действительно, если налог ударяет по используемому капиталу, совокупность этого налога включается в себестоимость продукции, и тогда одно из двух: или продукт, несмотря на увеличение рыночной стоимости, будет приобретен потребителем, и, следовательно, производитель будет освобожден от налога; или тот же продукт будет считаться слишком дорогим, и в этом случае налог, как очень хорошо сказал Ж.-Б. Сэй, действует как десятина, которая будет возложена на посеvy, — он препятствует производству. Так же, как слишком высокий трансфертный налог останавливает движение недвижимости и делает фонды менее продуктивными, создавая помехи тому, чтобы они переходили из рук в руки.

Если, наоборот, налог падает на продукт, это не более, чем налог на количество, который каждый платит в соответствии с размером его потребления, в то время как капиталист, которого он должен был достичь, сохраняется (не платит).

Более того, предположение о прогрессивном налоге, основанном либо на продукте, либо на капитале, совершенно абсурдно. Как мы можем представить, что на один и тот же продукт будет распространяться пошлина в 10 % у одного продавца и только 5 — у другого? Как фонды, уже обремененные ипотечными кредитами, которые меняют хозяев каждый день, как капитал, образованный в результате акционирования или единоличного благосостояния человека, будут распознаваться кадастром и облагаться налогом больше не из-за их стоимости или их ренты, но исходя из состояния или предполагаемой прибыли владельца?...

Остается, следовательно, один последний ресурс, — это налог на чистый доход, как бы он ни формировался, для каждого налогоплательщика. Например, доход в 1000 франков облагался бы налогом в размере 10 %; доход в 2000 франков — 20 %; доход в 3000 франков — 30 % и т.д. Оставим в стороне тысячу трудностей и неприятностей переписи и предположим операцию настолько простую, насколько хочется. Итак! именно эту систему я обвиняю в лицемерии, противоречиях и несправедливости.

Во-первых, я говорю, что эта система лицемерна, потому что если не отнять у богатого всю часть дохода, которая превышает средний национальный продукт на семью, что недопустимо, она не переводит, как предполагается, рост налогов на сторону богатства, в лучшем случае она изменяет пропорциональную причину. Таким образом, текущий рост налога для состояний в 1,000 франков дохода и НИЖЕ будет подобен цифрам 10,11,12,13 и т. д.; а для состояний в 1,000 франков дохода и ВЫШЕ — как числа 10,9,8,7,6 и т. д. — налог всегда повышается с нищетой и уменьшается с богатством: если бы мы ограничились падением косвенного налога, который в первую очередь поражает бедный класс, и обложили бы налогом доход богатого класса, то прогрессия была бы, правда, для первых такой, как числа 10, 10.25, 10.50, 10.75, 11, 11.25, и т. д.; а для вторых — как 10, 9.75, 9.50, 9.25, 9, 8.75, и т. д. Но эта прогрессия, пусть и менее быстрая с обеих сторон, тем не менее всегда будет продвигаться в одном и том же направлении, всегда в обратном от справедливости: и именно поэтому налог, так называемый прогрессивный, способный в

лучшем случае подпитывать болтовню филантропов, не имеет научной ценности. Она ничего не изменила в налоговой юриспруденции: всегда, как говорится, бедняку достается котомка, всегда богач — объект заботы власти.

Добавлю, что эта система противоречива.

Действительно, *отдавать и удерживать не стоит*, говорят юристы. Почему же тогда, вместо того чтобы освящать монополии, единственной выгодой для держателей которых было бы тотчас лишиться вместе с доходом всего пользования, не объявить сразу аграрный закон? Зачем устанавливать в Конституции, что каждый свободно пользуется плодами своего труда и своего производства, когда по факту или под воздействием тенденции налогообложения такое разрешение предоставляется только до дивидендов в размере 56 с половиной сантимов в день — дело, правда, в том, что закон не предусмотрел бы, но что обязательно стало бы результатом прогрессии? Законодатель, утвердив нас в наших монополиях, хотел способствовать производству, поддерживать священный огонь промышленности: так какой смысл нам производить, если, еще не будучи соучастниками, мы производим не для себя одних? Как, после того, как нас объявили свободными, можно навязать нам условия купли-продажи, аренды и обмена, которые отменяют нашу свободу?

Человеку принадлежит, согласно государственной регистрации, 20,000 ливров ренты. Налог с помощью новой прогрессии заберет у него 50 %. При такой ставке ему выгоднее вывести свой капитал, а вместо дохода поглотить фонд. Так что пусть ему возместят. Но что! возместить: государство не может быть принуждено к возмещению; и если оно согласится выкупить, это будет пропорционально чистой прибыли. Значит, регистрация ренты в 20,000 франков [204] будет приносить лишь 10,000 для рантье из-за налога, если он хочет возмещения от государства: если он не разделит его на двадцать лотов, в каком случае оно вернет ему вдвое больше. Точно так же достояние, который приносит 50,000 франков, налог, присваивающий две трети дохода, потеряет две трети цены. Но если хозяин разделит это достояние на сто лотов и выставит его на торги, террор налоговой службы уже не остановит покупателей, он сможет изъять весь капитал. Поскольку при прогрессивном налогообложении недвижимое имущество больше не следует закону спроса и предложения, не оценивается по своему реальному доходу, а по качеству собственника. Следствием этого будет то, что крупные капиталы обесценятся, а в повестку дня будет поставлена посредственность; владельцы будут спешно реализовывать (собственность), потому что для них будет лучше поглотить имущество, чем получать от него недостаточную ренту; капиталисты отзовут свои средства или разместят их только по ростовщическим ставкам; всякая крупная эксплуатация будет запрещена, всякое видимое состояние преследуется, любой капитал, превышающий цифру необходимого, запрещен. Подавленное богатство будет собираться само по себе и вывозиться контрабандой; и труд, как человек, привязанный к трупу, будет объят нищетой в бесконечной связи. Не насмеются ли экономисты, которые излагают подобные реформы, над реформаторами?

Продемонстрировав противоречие и ложь прогрессивного налога, должен ли я доказать его несправедливость? Прогрессивный налог, как его понимают экономисты и вслед за ними некоторые радикалы, неосуществим, говорил я ранее, — если он бьет по капиталу и продуктам (производства): следовательно, я предположил, что он бьет по доходам. Но кто не видит, что это чисто теоретическое различие между *капиталом, продуктами и доходами*

падает перед налоговым инспектором, и что те же самые невозможности, на которые мы указали, вновь проявляют здесь свой роковой характер?

Промышленник обнаруживает процесс, при котором, экономя 20 % своих производственных затрат, он получает 25,000 франков дохода. Налоговик требует у него 15. Значит, предприниматель вынужден повышать свои цены, поскольку по факту налога его процесс, вместо того, чтобы экономить 20 %, экономит лишь 8. Не мешает ли налог хорошей цене? Таким образом, полагая, что достигает богатых, прогрессивный налог всегда достигает потребителя; и он не может не достигать его, подавляя производство: какой просчет!

Это по закону о социальной экономике весь вложенный капитал должен непрерывно возвращаться предпринимателю в виде процентов. С прогрессивным же налогом этот закон радикально искажается, поскольку вследствие эффекта прогрессирования процент капитала уменьшается до такой степени, что он приводит производство к потере части или даже всего упомянутого капитала. Чтобы это было иначе, проценты на капитал должны были бы увеличиваться прогрессивно, как и сам налог, что абсурдно. Таким образом, прогрессивный налог останавливает формирование капиталов; более того, он мешает их обращению. Если кто-либо, на самом деле, захочет приобрести какое-либо оборудование для эксплуатации или земельный фонд, он должен будет, в соответствии с повышением взносов, учитывать не только фактическую стоимость такого оборудования или земельного фонда, но и налог, который он повлечет за собой; таким образом, если реальный доход составляет 4 %, и если в силу налога или условия покупателя этот доход должен быть уменьшен до 3, приобретение не может быть осуществлено. После подавления всех процентов и возмущения рынка по его секторам, прогрессивный налог останавливает рост благосостояния и уменьшает рыночную стоимость до положения ниже реальной стоимости; он умалывает, он парализует общество. Какая тирания! какая насмешка!

Таким образом, прогрессивный налог превращается, независимо от того, что он делает, в отказ от правосудия, защиты производства, в конфискацию. Это произвол без ограничений и тормозов, данный властям на все, что посредством труда, сбережений, улучшений средств, способствует общественному богатству.

Но зачем теряться в химерических гипотезах, когда мы прикасаемся к истине? Не вина пропорционального принципа, если налог поражает различные классы общества с таким шокирующим неравенством; вина заключается в наших предрассудках и наших нравах. Налог, так же как и человеческие действия, поступает честно и точно. Общественная экономика приказывает ему заняться доходом; он занимается доходом. Если доход ускользает, он поражает капитал: что может быть более естественным? Налог, опережающий цивилизацию, предполагает равенство рабочих и капиталистов: несгибаемое выражение необходимости, он, кажется, приглашает нас стать равными посредством образования и работы и, уравнивая наши функции и объединяя наши интересы, прийти к соглашению с ним. Налог отказывается отличать человека от человека: и мы обвиняем его математическую строгость в несоответствии наших состояний! мы требуем от самого равенства преклониться перед нашей несправедливостью!... Разве я не был прав, когда сказал в начале, что по отношению к налогу мы остаемся позади наших установлений?

Кроме того, мы всегда видим, как законодатель останавливается в фискальном

законодательстве перед разрушительными последствиями прогрессивного налога и освящает необходимость, непреложность пропорционального налога. Поскольку равенство благосостояния не может избежать нарушения капитала: антиномия должна быть методично разрешена, под угрозой для общества вернуться в хаос. Вечная справедливость не примиряется со всеми фантазиями людей: как женщина, которую могут оскорбить, но на которой не женятся без торжественного отчуждения от самого себя, она требует от нас, вместе с отказом от нашего эгоизма, признания всех своих прав, которые принадлежат науке.

Налог, конечной целью которого, как мы видели, является вознаграждение непродуктивного, но чья первоначальная мысль заключается в восстановлении рабочего, налог при монопольном режиме сокращается до чистого и простого протеста, в виде некоего внесудебного акта, задача которого — усугубить положение работника, мешая монополисту, в распоряжении которого он находится. Что касается идеи преобразования пропорционального налога в прогрессивный налог или, лучше сказать, обращения в обратную сторону прогрессии налога, то это промах, вся ответственность за который лежит на экономистах.

Но угроза отныне нависает над привилегией (преимуществом). Со способностью изменять пропорциональность налога правительство имеет в своем распоряжении быстрое и надежное средство лишать по своему усмотрению капитала его владельцев; и это страшно — видеть повсюду этот великий институт, основу общества, объект стольких противоречий, стольких законов, такой лести и стольких преступлений, СОБСТВЕННОСТЬ, подвешенную на кончике нити над зияющей пастью пролетариата.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 03:08:09

Зверобой обновил 14 марта 2025 03:08:50